

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1021–1036, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 322: 327

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации

Александр Сергеевич Железняков¹, Святослав Вадимович Никифоров²

¹ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, корп. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация)
доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра
 0000-0002-6477-6161. E-mail: [zhelezniakovas\[at\]yahoo.com](mailto:zhelezniakovas[at]yahoo.com)

² Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, корп. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-3842-4848. E-mail: [ursus-arktos\[at\]yandex.ru](mailto:ursus-arktos[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Железняков А. С., Никифоров С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Буддийские регионы России, исторически принадлежащие как к русской, так и монгольской цивилизации, выступают привлекательным объектом для цивилизационного анализа во всем множестве отраслей социальных наук, однако комплексных исследований, объединенных общей метанаучной концепцией, систематизирующей имеющуюся эмпирическую и теоретическую информацию, все еще не так много, несмотря на все возрастающую роль цивилизационных процессов в условиях формирования и развития полицентричного миропорядка государств-цивилизаций. *Цель и задачи исследования:* проведение комплексного исследования, задачами которого являются выявление роли буддийского фактора в развитии межкультурных отношений России на примере трех общих форпостов русской и монгольской цивилизации: Бурятии, Тувы и Калмыкии. В статье исследуется значимость буддийского фактора в социокультурном и политическом пространстве Республики Бурятия и частично Забайкальского края (Забайкалья), Республики Тува (Тыва) и Калмыкии. *Материалы и методы.* Теоретико-методологический аппарат исследования основывается на новом научном направлении — цивилизационной политологии, рассматривающей цивилизационные и политические процессы в рамках стереоскопической картины мира, обособляющей политическое и цивилизационное пространства, а также предполагающей междисциплинарный инструментарий научного исследования и метанаучный уровень его теоретического осмысления. Для достижения поставленной цели предполагается использовать разнообразные материалы: исторические и современные политико-правовые акты странового и регионального уровня, сообщения СМИ, высказывания политиков, общественных и духовных деятелей, данные социологических опросов, а также специализированные научные исследования, анализирующие указанные выше источники. *Результаты* исследования позволяют утверждать, что роль религиозного и, в частности, буддийского фактора значительна в политических и цивилизационных процессах в общих форпостах российской и монгольской цивилизаций, существующих на территории Российской Федерации. При этом он является одним из нескольких субстратов цивилизационной идентичности, наряду с этнической, культурной, конфессиональной и язы-

ковой, а также факторами вмещающего ландшафта и общностью исторической судьбы. *Выводы.* Несмотря на значимость цивилизационного фактора для указанных регионов, в рамках текущей национальной политики приоритет отдается концепции политической нации, а не государства-цивилизации, что не позволяет в должной мере учесть конфессиональное и этнокультурное разнообразие форпостов и раскрыть их потенциал в интересах развития как самих регионов, так и России в целом.

Ключевые слова: влияние буддизма на политические и цивилизационные процессы, государство-цивилизация, форпосты русской и монгольской цивилизации, Бурятия, Забайкалье, Тува, Калмыкия

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (№ 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

Для цитирования: Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1021–1036. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations

Alexander S. Zheleznyakov¹, Svyatoslav V. Nikiforov²

- 1 Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Fac. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of Department

 0000-0002-6477-6161. E-mail: zhelezniakovas[at]yahoo.com

- 2 Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Fac. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Pedagogy), Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0003-3842-4848. E-mail: ursus-arktos[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V., 2024

Abstract. Introduction. Russia's Buddhist regions historically belonging to both the Russian and Mongolian civilizations are an attractive object for civilizational analysis in a variety of social sciences. Nonetheless, despite the ever-increasing role of civilizational processes in the context of the emerging and developing polycentric world order of civilization-states, scarce are studies united by a complex metascientific concept that would systematize the available empirical and theoretical information. *Goals.* Thus, the article attempts such research and seeks to identify the role of the Buddhist factor in the development of cross-civilizational relations in Russia through the examples of three common outposts of Russian and Mongolian civilizations — Buryatia, Tuva, and Kalmykia. The paper examines the significance of the Buddhist factor in sociocultural and political spheres of Buryatia and partly Transbaikalia, Tuva (Tyva), and Kalmykia. *Materials and methods.* The theoretical and methodological apparatus of the research rests on a new scientific approach — civilizational political science which considers civilizational and political processes within a stereoscopic worldview that separates political and civilizational spaces, and implies the use of an interdisciplinary research toolkit and a metascientific level of its theoretical understanding. To facilitate these, the work shall use a variety of materials, such as past and present political and legal acts from national and regional levels, media reports, statements by politicians, public and spiritual figures, data from sociological surveys, as well as special scientific investigations analyzing the mentioned sources. *Results.* The study suggests that the role of the religious factor — and, in particular, that of Buddhism — is significant in political and civilizational processes across the common outposts of the Russian and Mongolian civilizations throughout the territory of the Russian Federation. Meanwhile, it serves as a substrate of civilizational identity, along with ethnic, cultural, confessional, linguistic ones, and factors of surrounding landscapes and commonality of historical destiny. *Conclusions.* Despite the importance of the civilizational factor for the examined regions, current national policies give priority to the concept of 'political nation' rather than that of 'civilization-state', which reduces somewhat due consideration of the confessional and ethnocultural diversity across the outposts, and hampers the fulfillment of their potentials in favor of development at both regional and national levels.

Keywords: influence of Buddhism on political and civilizational processes, state-civilization, outposts of Russian and Mongolian civilizations, Buryatia, Transbaikalia, Tuva, Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03022 ‘Traditional Buddhism, Postsecularity and Contemporary Sociopolitical Processes in Russia and Mongolia’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03022>.

For citation: Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1021–1036. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

1. Введение

«Россия — государство(страна)-цивилизация» — данное положение закреплено в Концепции внешней политики России, принятой в 2023 г. [Концепция 2023], все чаще встречается в отечественном политическом [Путин 2024] и научном дискурсе [Багдасарян 2022; Журавлева и др. 2023; Желифонов 2024; Ильичева и др. 2024], как в вопросах анализа внутривнутриполитических процессов, так и международных отношений. Вместе с тем цивилизационное пространство со своим центром и периферией само по себе не соотносится напрямую с государственными границами и политико-правовым пространством Российской Федерации в том числе. Цивилизационные пространства выходят за пределы границ государств, поскольку представители всех цивилизаций вследствие исторического развития широко расселились по всему миру, переплетаясь друг с другом в своеобразный «ковёр» межцивилизационного взаимодействия. Узловые пространства межцивилизационного взаимодействия с точки зрения цивилизационной политологии рассматриваются в качестве общих форпостов цивилизаций. И именно на их примерах видно, как в пестром наборе субстратов цивилизационной идентичности проявляется пространство нескольких цивилизаций одновременно.

В начале исследования дадим общую характеристику изучаемым форпостам российской и монгольской цивилизации. Можно отметить, что существование большого числа межцивилизационных форпостов представляется некоторой особенностью нашего протяженного государства. Так, Санкт-Петербург, как «окно в Европу», прорубленное Петром I, долгое время являлся и,

по сути, является сейчас общим форпостом русской и западной цивилизаций. Подобные общие форпосты на территории и за пределами России (и особенно, в трансграничных регионах) имеются у русской цивилизации с другими цивилизациями, в том числе и с монгольской цивилизацией. Из территорий зарубежных стран можно отдельно выделить исторический регион Маньчжурии, представлявшей собой сложившийся еще с дочингисовых времен на протяжении многих столетий общий форпост монгольской и китайской цивилизаций (русская цивилизация влилась в этот форпост позже — в конце XIX – начале XX вв.).

При анализе, например, условно выделяемого Байкальского региона исследователи отмечают особо пестрый характер социума, переплетение множества идентичностей самых разных уровней, в том числе и тех, которые проявляются посредством цивилизационных субстратов (этническая, культурная, конфессиональная, языковая), факторов общности исторической судьбы и вмещающего ландшафта... [Антонов, Очирова 2016: 254–256]. Конечно, жители рассматриваемых регионов объединены также и политической российской идентичностью, однако исследователи указывают, что она на деле нередко отходит на второй план, сосуществуя с региональным самосознанием [Антонов, Очирова 2016: 255–256].

В. И. Антонов и О. А. Очирова делают акцент на том, что российские граждане сегодня являются носителями множественной идентичности. На это влияют факторы их традиционных мест проживания, где могут возникать идентичности, обусловленные особой локальной или региональной спецификой, а также этнической, языковой, куль-

турной и конфессиональной принадлежностями. Среди этих особых идентичностей исследователи упоминают кланово-родовую, территориально-блоковую, этноконфессиональную, национальную, а также идентичности, характерные для особых территориальных общностей (например, байкальская), и общероссийскую [Антонов, Очирова 2016: 255]. Помимо этого, они вводят термин «особые уровни измерения», в рамках которых выделяют идентичности, специфичные для конкретных этнокультурных групп: связанную с субэтничностью идентичность «буряты-казаки», возникшую в силу общности исторической судьбы, этнокультурной, религиозной и языковой близости с монголами, бурят-монгольскую идентичность (фактически и отражающей цивилизационный уровень) и обусловленную географическим фактором идентичность «азиаты» [Антонов, Очирова 2016: 255–256].

Сосуществование разных идентичностей в междоцивилизационных форпостах представляется значимым не только ввиду позиционирования принадлежности этих конкретных общин форпостов к северному (тибетскому) буддизму как к конфессиональной составляющей идентичности монгольской (кочевой евразийской) цивилизации, но и для выдвижения тезиса о необходимости развития именно цивилизационной российской идентичности как объединяющей идентичности народов России, государства-цивилизации.

В отличие от идентичности политической, существующей во многом обособленно от этнокультурной и конфессиональной, идентичность цивилизационная основывается на их синтетической совокупности, а значит, может служить более естественной скрепой социокультурной общности в обширном многонациональном государстве в рамках строительства национальной политики. Вместе с тем ввиду сосуществования нескольких цивилизационных идентичностей в форпостах междоцивилизационного взаимодействия на территории Российской Федерации становится закономерным вопрос о возможности позиционирования нашей державы в качестве страны, распо-

ложенной на территории полицивилизационного пространства — пространства, в котором не только находится ядро русской цивилизации и установлена точка отсчета пространства Русского мира, но также существуют узлы междоцивилизационного взаимодействия, а значит, и крупные общности носителей одновременно с российской и других цивилизационных идентичностей.

На наш взгляд, в рамках осуществления национальной государственной политики не следует отказываться от богатого опыта России в междоцивилизационном взаимодействии. Подобные форпосты следует рассматривать как точки соприкосновения политически очерченного ядра российской цивилизации с периферией «внешних цивилизаций» как своего рода «ворот» России во внешний мир. Нецелесообразным представляются попытки использования политических механизмов для осуществления «цивилизационной ассимиляции» так же, как и игнорирование цивилизационного многообразия в трансграничных регионах. Полицивилизационность данных форпостов — неизбежность, но в то же время возможность, способ восполнения и расширения субстратов российской цивилизации. Она может стать одним из столпов как внутривосполнения строительства устойчивого социокультурного российского общества, так и точкой опоры для строительства нового цивилизационного порядка, укрепления в нем роли нашей державы как государства-цивилизации. Примечательно в этой связи отметить, что в современных реалиях такую роль междоцивилизационные форпосты уже начинают играть. Достаточно упомянуть, что Казань (Татарстан) стала новым центром государственной и публичной дипломатии, местом для проведения форумов БРИКС [Герейханова 2024], Игр будущего, де-факто создающих альтернативные институты мировой политики и спорта [Две реальности 2024].

В этой связи нельзя не согласиться с тезисом о том, что для успешного превращения в основополагающую и плотно скрепляющую российскую общность, способную обеспечить крепкий мир внутри нашего социума, обезопасив его от межна-

циональных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов, российская общенациональная идентичность должна успешно включить в себя богатый исторический опыт формирования сложных и многоуровневых идентичностей этнополитических пространств отдельных регионов [Антонов 2021: 86–87].

Однако в условиях реализации концепции строительства политической нации, в должной мере не учитывающей сложную историю этноконфессионального и межкультурного взаимодействия как на региональном, так и на глобальном (цивилизационном) уровнях, эта цель представляется труднодостижимой. В то же время при взгляде на проблему российской идентичности как цивилизационную и при смене вектора с идентичности политической на идентичность цивилизационную решение данной задачи представляется возможным. Подтверждением этому как раз и может служить тот опыт межкультурного взаимодействия, который имеется у рассматриваемых регионов-форпостов.

Эксперты традиционно особо подчеркивают ведущую роль христианства и тибетского (северного) буддизма и их взаимодействия в Байкальском регионе [Арзуманов 2009: 244]. Она во многом определяет основу этноконфессиональной структуры субъектов Юго-Востока Российской Федерации, многие ключевые направления цивилизационных процессов внутри них, а также на протяжении нескольких веков значительно влияет на формирование внешнеполитического вектора политики России в Азии [Арзуманов 2009: 244].

Схожие тезисы при еще большей конфессиональной мозаичности характерны и для Каспийского региона, где наряду с буддизмом и христианством также значительную роль играет и ислам. При этом, как отмечают некоторые исследователи, нередко этноконфессиональный фактор в должной мере не учитывался при сопровождении национальной политики России со стороны СМИ, что оказывало влияние на ход политических процессов в регионах, поскольку его подхватывают оппозиционные светским

и духовным властям региональные силы, апеллирующие к этническому самосознанию граждан [Арзуманов 2009: 245]. В частности такого рода риторика применялась для противодействия объединению субъектов Российской Федерации [Арзуманов 2009: 245].

Подобные процессы имели место быть в преддверии референдума по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (2006 г.), в деятельности Конгресса бурятского народа в 1990-е гг., продвигавшего идею восстановления Бурят-Монгольской республики в границах 1927 г., которую также впоследствии позиционировали в качестве альтернативы объединения Иркутской области [Арзуманов 2009: 245].

В целом в исследуемых регионах религиозный фактор, особенно в форме буддизма в синкретизме с шаманизмом, стал основой политико-правового и социокультурного оформления идеи культурного возрождения. И со стороны оппозиции, и со стороны региональных и духовных властей он позиционировался именно так. В этой связи интересным примером представляется Республика Бурятия, в которой в 1997 г. был принят закон, провозглашавший четыре традиционные религии Республики: буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм [Волкова 2021: 39–40]. Однако показательно, что уже спустя три года, данные формулировки были изменены и в последующих редакциях указанного нормативно-правового акта от упоминания конкретных конфессий, в том числе и указания их в качестве традиционных, законодатели отказались [Закон Республики Бурятия 1997].

2. Бурятия и Забайкальский край (Забайкалье)

Рассмотрим роль религиозного фактора в развитии цивилизационных и политических процессов в Бурятии чуть более подробно, обратившись к ретроспективному анализу для понимания роли буддийского фактора в цивилизационном и политическом пространствах Бурятии на длительном историческом отрезке. Верным предполагается утверждение о том, что процесс вхож-

дения бурят в состав российского государства протекал как на межцивилизационном, так и межличностном уровне, и что имела место быть своего рода комплиментарность между двумя крупными этническими группами [Урбанаева 2013: 42]. Однако нам представляется более точным обозначить сферы происходящих процессов как в рамках цивилизационного измерения — межконфессиональное (взаимодействие православия с тенгрианством, шаманизмом и тибетским буддизмом), межэтническое и межкультурное взаимодействие бурят и русских переселенцев, так и отдельно политико-правовой аспект интеграции бурятского общества в многонациональную семью Российской империи, который разворачивался прежде всего в рамках пространства политического.

Вне всяких сомнений, и межцивилизационные процессы повлияли на принятие конкретных политико-правовых шагов со стороны представителей двух народов, и последующие политические решения во многом способствовали сложившемуся исторически характеру межцивилизационного взаимодействия русских и бурят, однако в рамках стереоскопической картины мира, применяемой в цивилизационной политологии, все же данные процессы будет логичным разграничить. Интересно влияние буддизма и на сакрализацию власти российских государей, и, как следствие, гармоничное развитие межцивилизационного взаимодействия представителей русской и монгольской цивилизаций. Например, легенда о том, что сулдэ Чингисхана осталось в России, «стало одной из причин, почему российские императоры почитались бурятами как воплощение Белой Тары» [Урбанаева 2013: 41], (одна из восьми бодхисаттв, почитаемых буддистами просветленных душ). Примечательно, что, согласно исторической легенде, провозглашать российских правителей воплощением Белой Тары бурятские ламы стали еще со времен Елизаветы Петровны, затем эта традиция прервалась в советское время и неожиданным образом возобновилась уже в XXI в., когда новым воплощением бодхисаттвы был объявлен Д. А. Медведев, занимавший на тот момент пост Президента Российской Федерации

[Медведев стал 2009]. Интересным представляется также и тот факт, что, согласно историческим свидетельствам, по мере развития данного взаимодействия русские переселенцы были склонны осваивать бурятский язык, вступать в смешанные браки, перенимать традиции быта и даже местные верования — как буддизм, так и шаманизм [Урбанаева 2013: 41].

Примечательно, что на рубеже XIX и XX вв. среди лиц, принимавших решения в Российской империи, а также ученых-исследователей во многом присутствовало понимание бурят как представителей отдельной цивилизации (монгольской, тибетской) или как минимум народа, испытывающего сильное влияние зарубежного духовного лидера [Урбанаева 2013: 45–48]. Буддизм, как и идеология панмонголизма, в определенный момент времени, тем не менее, стал новым геополитическим вектором развития России, как царской, так и советской. Свою роль он сыграл и в период Гражданской войны. И белые, и красные военачальники и политики стремились расположить к себе буддистов. Однако ни широкое буддийское духовенство, ни его лидеры в итоге не стремились окончательно занять одну или другую сторону. Балагатское движение, пытавшееся создать свое теократическое государство, и вовсе, например, противопоставило себя как белым, так и красным [Петров 2023: 116].

Так же, как и Коминтерн, буддийские институты «мягкой силы» оказались в значительной степени связаны с влиянием иностранных государств, а результаты данной линии публичной дипломатии недостаточно плодотворными, что обусловило на фоне разрастающейся внутренней политической борьбы в советском руководстве и прямого сотрудничества с зарубежными структурами отдельных представителей институтов «мягкой силы» мировой революции (как Коминтерна, так и лам непосредственно) начало массовых репрессий, которые затронули духовенство, в том числе и буддийских лам [Занданова, Паламарчук 2016: 93–97], что определило на долгое время сокращение роли влияния буддийского фактора на развитие цивилизационных процессов в Буря-

тии и других регионах СССР и даже других социалистических стран.

Тем не менее в период Великой Отечественной войны представители буддийского духовенства проявили патриотическую позицию. Летом 1944 г. ими было выпущено воззвание к буддистам на бурятском языке с призывом помочь советской Родине и Красной Армии. Всего ими было собрано 0,5 млн рублей, причем ламы Х. Галсанов и Ч. Тасорунгов за персональные взносы в Фонд обороны дважды получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина. После войны в 1946 г. на совещании буддийских деятелей СССР было принято Положение о буддийском духовенстве СССР, фактически закрепившее правовой статус буддийской сангхи в рамках советской политико-правовой системы и ограничившее деятельность лам исключительно вопросами религиозного толка, а также формально ликвидировавшее институт «перерожденчества» [Абаева 2019: 230–231].

Несмотря на формальный запрет политической деятельности, с середины 1950-х гг. бурятские ламы начинают вновь участвовать в конфессиональных мероприятиях за рубежом, фактически становятся вновь инструментом «мягкой силы» СССР в сфере межконфессионального и внутриконфессионального диалога, в том числе в рамках буддийского движения за мир, что было продиктовано необходимостью Советскому Союзу заручиться поддержкой азиатских государств, в которых массово был распространен буддизм, на международной арене, в том числе и в противовес аналогичным действиям со стороны США (и впоследствии КНР). Одним из видных деятелей буддийского движения за мир стал XIX Пандито-Хамбо-лама (Жамбал Доржи Гомбоев), стоявший у истоков Азиатской буддийской конференции за мир, мощнейшего инструмента публичной дипломатии СССР и Монголии [Нимбуев 2022: 248–251].

Необходимо отметить, что и в постсоциалистический период международные связи бурятских буддистов не только сохранились, но и продолжили крепнуть. В немалой степени этому способствовал и тот факт, что зарубежные ламы обладают

большой легитимностью в глазах многих буддистов Бурятии и иных регионов-форпостов монгольской цивилизации в России, причем речь идет не только о лидере буддистов Далай-ламе, но и о священнослужителях гораздо более низких рангов. Многих из них приглашает, например, из Тибета или Монголии в Бурятию и другие буддийские регионы Буддийская традиционная сангха России (БТСР) [Михалев 2014: 100]. Причина этого отношения во многом кроется в существующей в северном буддизме своеобразной религиозной иерархии территорий Внутренней Азии, в которой они ассоциируются с различным бодхисаттвами. Согласно данной классификации, Монголия выступает в роли защитника буддийской веры, а потому ее ламы обладают достаточно высоким авторитетом, что находит применение также и в качестве фактора монгольской мягкой силы [Михалев 2014: 100].

Рассматривая этнокультурную специфику взаимодействия различных групп населения на современном этапе истории Республики Бурятия, по итогам массового опроса населения, проведенного в 2018–2019 гг. по проблеме межнациональных отношений, В. Г. Жалсанова отмечает, что при анализе эмпирических данных закономерностей, связывающих представления о межнациональных отношениях в России и, в частности, в Бурятии с принадлежностью респондентов к тому или иному этносу, не было выявлено [Жалсанова 2020: 21]. При этом в качестве одного из консолидирующих факторов исследователем выделяется в достаточно пестром по конфессиональному составу субъекте «отсутствие религиозного антагонизма» [Жалсанова 2020: 21]. При этом религиозный фактор рассматривается в статье совместно с этнокультурным, который, в свою очередь, дополняется общностью исторической судьбы (фактически исследователем затрагивается большинство субстратов цивилизационной идентичности) [Жалсанова 2020: 21–22].

Но неверным будет принизить роль буддийского фактора в происходящих в Республике Бурятия политических процессах и попытках влияния политических акторов на ход процессов цивилизационных. Специа-

листами отмечается активная деятельность БТСР в процессе конструирования буддийского возрождения Бурятии как особого регионального проекта, нацеленного на преодоление раздробленности буддийской общины и тесно связанного с цивилизационными процессами за счет апелляции также к культурной и этнической идентичности бурят [Бадмацыренов, Родионов 2020: 63, 69–70], причем центральное место в данной концепции занимает условно выделяемая «сакральная география» — политико-общественная деятельность, направленная на формирование единого пространства и системы связей между верующими и религиозными институтами [Бадмацыренов, Родионов 2020: 74–82]. При этом БТСР принимает активное участие в социальной жизни Бурятии, этнокультурных и этнополитических процессах, что превратило ее в достаточно влиятельную общественную и, в некотором смысле, политическую силу, но вместе с тем и создало почву к возникновению иных, противопоставляющих себя данному курсу конфессиональных и общественных инициатив и групп [Бадмацыренов, Родионов 2020: 65–66]. Причинами и следствиями этих процессов стал тот факт, что, кроме самой крупной организации — Буддийской традиционной сангхи России, в регионе действует множество иных буддийских организаций, и связанных с отдельными течениями буддизма, и существующих как вокруг дацанов (монастырей), так и в виртуальном интернет-пространстве.

Как отмечают Т. Б. Бадмацыренов и В. А. Родионов, проведенные в последние десять лет эмпирические социологические исследования выявили явный рост религиозности среди буддийского населения Бурятии. Например, были отмечены различия в воспроизводстве религиозности среди разных этнических групп населения: русские реже, чем буряты относят себя к религиозно верующим (47,8 % и 72 %) [Бадмацыренов, Родионов 2020: 66–67]. По результатам исследования 2017 г., проведенного в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова, учеными была также подтверждена взаимосвязь между этнической идентичностью и представлениями

респондентов о своей религиозности (со значительным отрывом свою религиозность декларировали именно буряты (почти 86 % опрошенных)) [Бадмацыренов, Родионов 2020: 66–67]. Также исследователи отмечают, что Пандито-Хамбо-лама Д. Б. Аюшеев в рамках политики «возрождения» выстраивает целостное пространство буддийского сообщества, затрагивающего одновременное этническое, конфессиональное, политическое и де-факто историческое измерения бурятского социума, что обуславливается стремлением побороть последствия разрыва религиозной традиции, произошедшего в XX в. [Бадмацыренов, Родионов 2020: 82].

Иначе говоря, политика БТСР направлена на укрепление не только конфессионального единства буддистов Бурятии, но и цивилизационной идентичности жителей Республики, в том числе и прежде всего этнических бурят. С учетом выбранного вектора можно смело утверждать, что этот процесс способствует укреплению монгольской (кочевой евразийской) цивилизационной идентичности, что обуславливает активную роль региона в выстраивании отношений по линии публичной дипломатии с другими буддийскими регионами страны и мира, прежде всего с Монголией и Тибетом, в значительной мере реализуя потенциал цивилизационного форпоста.

Вместе с тем можно сделать вывод о том, что существует определенная диспропорция в отношении аналогичной деятельности со стороны крупных общественных, религиозных и государственных организаций, могущих способствовать развитию российской цивилизационной идентичности. Вероятно, потому, что она в текущее время замещена идеей политической нации, что в действительности не устраняет сложившийся дисбаланс в междоцивилизационном взаимодействии в Бурятии.

3. Тува

Тува была территорией, которая принадлежала то одним, то другим кочевым империям: за этот край боролись тюрки, кыргызы, уйгуры, ойраты, монголы и маньчжуры. Долгое время Тува была частью Монгольской, а затем и Цинской империй (вплоть до

начала XX в.). Ввиду череды революционных событий, охвативших Китай, тувинские князья добились фактической независимости от Цинской империи в 1911–1912 гг., и многие из них обратились с просьбой принять свои земли в состав Российской империи. Просьба была удовлетворена в 1914 г., когда Урянхайский край вошел в состав России в качестве протектората, что способствовало защите Тувы от внешних посягательств де-юре до 1924 г., хотя народная революция, охватившая Туву так же, как и советскую Россию, привела к образованию де-факто независимого государства несколькими годами ранее. Танну-Тува также сохраняла свою государственность и даже закрепляла свой суверенитет над спорными (с МНР) землями, во многом ввиду покровительства советской России, и окончательно вошла в состав российского государства (СССР) уже в 1944 г. [Монгуш 2015: 74]. С того времени можно считать, что она стала одним из междивизиционных форпостов одновременно монгольской (кочевой евразийской) цивилизации и цивилизации российской.

Нередко в исследованиях Тува рассматривается в качестве одного из ярких примеров «трансграничного региона», ряд характерных признаков которого может быть применим и к форпосту междивизиционного взаимодействия [Михалев 2022: 188–195]. Одной из таких черт выступает единая религиозная идентичность для приграничного региона или форпоста и одной из «ядровых» цивилизаций. Таковую роль за тибетским буддизмом закрепляют и для Тувы, наряду с другими исследуемыми регионами России, в том числе подчеркивая его влияние на культурное богатство регионов в виде буддийской медицины, особой традиции в изобразительном искусстве и архитектуре, этических нормах и философских концепциях, что в исторической перспективе сформировало один из столпов идентичности его этносов [Михалев 2022: 190–191].

В политико-правовой сфере тоже есть параллели с другими регионами. Так, в Законе Республики Тыва № 253 «О свободе совести» 1995 г. провозглашается, что к тра-

диционным конфессиям в Туве относятся шаманизм, буддизм и православие [Закон Республики Тыва 1995]. Однако в отличие от аналогичного закона Республики Бурятия это положение не исчезло из последующих редакций закона. Также в 1998 г. в Республике была принята Концепция национальной политики. В ней закреплялись положения о международных и внешнеэкономических связях, поддержке контактов с иностранными организациями (прежде всего конфессиональными), которые были достаточно важны для образования лам за границей и приглашения зарубежных священнослужителей в Туву [Тарбастаева 2020: 14], в чем существовала потребность ввиду произошедшего разрыва в религиозной традиции в XX в.

Отдельно можно упомянуть государственные программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике» разных лет, которые затрагивали вопросы консолидации усилий региональных, местных, духовных властей и общественных организаций «для сохранения межнационального согласия, гармонизации межнациональных отношений» [Тарбастаева 2020: 15], т. е. фактически — для укрепления цивилизационной идентичности жителей республики. При этом, если в первой такой Программе (2013–2016 гг.) религиозные организации фактически выступали в этих процессах наравне со светскими властями, то затем их формальные полномочия стали в значительной степени сокращаться, знаменуя их превращение из субъектов, в объекты политики [Тарбастаева 2020: 15–17]. В Программе 2018–2020 гг. также уже не было и положений, посвященных международному сотрудничеству. (Скорее всего, ввиду напряженности в отношениях между правительством КНР и Далай-ламой). В целом акцент в ней сместился на противодействие развития конфликтогенным и экстремистским тенденциям в обществе. На протяжении многих лет в Туве сохраняется демонстративно уважительное отношение лидеров республики к священнослужителям традиционных конфессий, заложенное еще в конце XX и начале XXI в., когда они стали пока-

зательно и регулярно посещать буддийские и православные храмы, налаживать диалог государства с представителями традиционных конфессий, во многом интуитивном стремлении найти новую идеологическую и ценностную основу, необходимую для развития региона взамен утраченной коммунистической [Монгуш 2007: 31].

Интересные тенденции в сфере политической культурной традиции можно отнести также за счет влияния цивилизационного фактора. К ним некоторые исследователи причисляют персонализацию политики в лице харизматичного лидера и непосредственно патриархально-подданнический тип политической культуры, возникший в результате синтеза политических традиций различных народов, проживающих в регионе на протяжении длительного исторического времени, причем данное смещение политических культур в практическом плане показывает себя достаточно эффективным инструментом обеспечения стабильности в социуме и способствует развитию изучаемого субъекта [Матвеева, Сат 2022: 106].

Тем самым в отношении Тувы экспертами фактически отмечается значительное влияние сразу нескольких цивилизаций, что позволяет сделать вывод о гипотетически чуть более равномерном взаимном влиянии монгольской (кочевой евразийской) и российской цивилизации друг на друга, в сравнении с Республикой Бурятия, однако, несомненно, существует потребность в проведении большего числа исследований по данному вопросу.

4. Калмыкия

Как уже было упомянуто выше, ключевой особенностью российского Прикаспия в сравнении с рассмотренными выше регионами является широкая представленность, помимо христианства и буддизма, еще одной мировой религии — ислама. При этом в самой Калмыкии наиболее распространенной конфессией также остается тибетский буддизм. В целом религиозный фактор, скорее, играет в данном субъекте России интегративную роль. Калмыкия, в оценках экспертов, считается не сильно конфликтным регионом, например, в сравнении с

соседним Дагестаном [Топчиев 2014: 334–345]. Вместе с тем отмечается определенное внутриконфессиональное противостояние между ламами тибетского и местного происхождения на высоких эшелонах духовной власти в республике, которое традиционно долгое время считалось преимущественно непубличным [Топчиев 2014: 334–345].

В целом гармоничной обстановки преимущественного межконфессионального мира и диалога в республике удалось достичь за счет характерного и для Бурятии, и для Тувы взаимодействия светских и духовных властей, чему в немалой степени и способствовал исторический опыт существования калмыков в степях евразийских кочевых империй. Особо исследователями в этой связи подчеркивается многовековая традиция терпимости и взаимодействия в одном географическом пространстве мировых религий: буддизма, христианства и ислама. Также упоминается и о взаимопроникновении культур, протекающем на фоне межкультурного взаимодействия [Поканинова 2010: 67]. Говоря об историческом опыте, можно отметить, что буддизм при этом сыграл ключевую роль в качестве скрепы западных монголов в период XIII–XVI вв., заложив основы такой плодотворной политики взаимодействия духовной и светской власти. Юридическим проявлением этого стало принятие в знак продолжения традиции, возвысившей Юань, Алтан-ханом акта (постановления), известного как «Учение о десяти добродетелях буддизма», провозгласившего буддизм государственной религией [Бакаева 1994: 12]. Для ойратов, а затем и калмыков религиозная общность стала одним из основных субстратов цивилизационной идентичности и способствовала ее сохранению на протяжении длительного исторического времени [Китинов 2019: 183].

Е. Б. Поканинова отмечает, что в основе успешных политических решений светского руководства республики лежит следование «Махапаринирванасутре», в которой были сформулированы ключевые критерии, соблюдение которых необходимо для процветания государства и которым на практике стремились соответствовать республиканские власти [Поканинова 2010: 68]. В при-

мер им приводится частое обращение к общественности путем организации опросов и принятия важных для республики решений на референдумах со стороны К. Н. Илюмжинова [Поканинова 2010: 72], заявившего, что «...только решив проблемы духовного плана, можно решить проблемы экономики и социальной сферы» [Илюмжинов 2002: 38]. Так же, как и в Бурятии и в Туве, в Калмыкии существует своя программа народного, де-факто цивилизационного, возрождения, однако ее специфика в сравнении с другими изучаемыми регионами проявляется через социальную поддержку населения — религиозные организации выступают инициаторами социальных проектов, принимают активное участие в благотворительных мероприятиях, собирают средства для поддержки особо нуждающихся в ней групп населения. В политико-правовом поле их деятельность была оформлена отдельными законами «Об образовании», «О языках народов в Республике Калмыкия», «Об охране здоровья», «Об инвалидах», «О культуре» и др. [Поканинова 2010: 72]. Частыми явлениями в общественной жизни Калмыкии стали также и мероприятия, на которых присутствуют представители как буддийского, так и православного и мусульманского духовенства, что позволяет сделать продуктивный межконфессиональный диалог обыденным и, вероятно, тем самым активизировать взаимодействие разных цивилизаций на территории их общего форпоста.

В этой связи интересным представляется анализ О. К. Шиманской концепции ревитализации прикаспийской цивилизации, изложенной Б. У. Китиновым. О. К. Шиманская, оценив позитивную роль буддизма в развитии Каспийского региона и Центральной Азии, отдельных регионов России и соседних нам государств, его потенциал как мощного инструмента развития межкультурного диалога, все же критикует концепцию за идею замещения буддийской идентичностью прочие идентичности народов России и других государств, в которых буддизм играет значимую роль (например, Индии и Китая) [Шиманская 2019: 136–137]. Немаловажными представляются

и размышления обоих ученых относительно идентичности калмыков. Подчеркивая конфессиональную, культурную и, наконец, цивилизационную близость с другими, преимущественно буддийскими, народами Евразии, ученые задаются вопросом о том, являются ли калмыки одновременно и представителями российской цивилизации или, возможно, вовсе отдельной цивилизации, складывавшейся в Каспийской регионе [Шиманская 2019: 137].

На наш взгляд, в действительности, стоит рассматривать Каспийский регион, в том числе и Калмыкию, как пространство межкультурных форпостов, в котором переплетаются друг с другом самые разные цивилизации. Фактор тибетского буддизма в данном ключе будет являться одним из маркеров монгольской (кочевой евразийской) цивилизации, наряду с православием — одним из факторов, характеризующих русскую цивилизацию. Кроме того, необходимо учитывать, что этническая, культурная, языковая идентичности вместе с опытом исторической судьбы и вмещающим ландшафтом также являются важными субстратами цивилизационной идентичности и не могут быть оставлены «за кадром».

5. Заключение

На примере проведенного анализа роли буддизма в политических и цивилизационных процессах в регионах Бурятии и Забайкалья, Тувы и Калмыкии можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. В данных регионах религиозная идентичность образует вместе с этнокультурной идентичностью, вмещающим ландшафтом и историческим прошлым базис для цивилизационной, или точнее, цивилизационных идентичностей в узлах взаимодействия российской и монгольской цивилизации, на территориях их общих форпостов. У них есть как сходные черты, например, продуктивный опыт взаимодействия светских и духовных властей, так и уникальные черты развития политических и цивилизационных процессов (преобладание одной или другой цивилизационной идентичности, разные формы осуществления религиозной и этнокультурной политики, при общих началах,

а также особые истории своего формирования в качестве форпостов российско-монгольского межкультурного взаимодействия).

И хотя в рамках большей части исследования нами рассматривались аспекты, подчеркивающие уникальность данных форпостов, прежде всего, как носителей монгольской (евразийской кочевой) цивилизации, наряду с российской, пожалуй, необходимо осветить еще один аспект, который, в свою очередь, подчеркнет и принадлежность этих форпостов к цивилизации российской, или даже русской, наряду с монгольской. Это отношение буддийских религиозных организаций исследуемых регионов к Специальной военной операции России на Украине (СВО) и конкретные шаги, которые были предприняты духовными лидерами регионов по поддержке российской цивилизации перед лицом экзистенциального вызова.

Являясь самой крупной буддийской организацией России, БТСР оказывает также и наиболее значительную поддержку нашей армии. В сентябре 2022 г. ее глава XXIV Пандито-Хамбо-лама Д. Б. Аюшеев в обращении к российским буддистам выразил официальную поддержку СВО, подчеркнув значимый вклад бойцов-буддистов в победу России, который они вносят на поле боя при исполнении долга защиты Родины [Третьяков 2024: 312]. Буддийские ламы регулярно присутствуют в зоне проведения специальной военной операции, а на территории крупных буддийских монастырей организуются на постоянной основе сборы гуманитарной помощи, которая затем направляется в зону проведения Спецоперации [Третьяков 2024: 313].

Буддийское духовенство Калмыкии выражает поддержку военнослужащим своими непосредственными делами: организует сбор гуманитарной помощи, участвует в реабилитационных проектах. Центральное

духовное управление буддистов совместно с представителями администрации Республики Калмыкия оказывает социальную помощь военнослужащим, организует пребывание лам в зоне проведения Спецоперации и доставки гуманитарной помощи, принимает активное участие в федеральных мероприятиях по данным вопросам [Третьяков 2024: 313].

В Туве ламы также помогают российским бойцам посредством строительства реабилитационных центров для участников СВО, сбора гуманитарной помощи, оказания моральной и духовной поддержки военнослужащим как в своем регионе, так и в зоне Специальной военной операции [Лама Тувы 2023]. Поддержка буддийским духовенством сражения за будущее российской цивилизации в значительной степени отображает тот факт, что указанные регионы являются ее представителями в той же мере, если не более, сколь и цивилизации монгольской (евразийской кочевой цивилизации).

Исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод о необходимости развития цивилизационного направления национальной политики Российской Федерации, возможности перехода от господства парадигмы политической нации к цивилизационной идентичности государства-цивилизации, в рамках которого форпосты межкультурного взаимодействия будут не только являться скрепами межкультурного мира внутри России, но и служить опорой строительства нового многополярного (полицентричного) миропорядка в ее международных отношениях. Буддийский фактор в данных процессах может стать одним из ключевых направлений цивилизационного развития России и вновь утвердиться в качестве одного из элементов «мягкой силы» нашей державы.

Литература

Абаева 2019 — Абаева Л. Л. Духовенство и миряне в процессах восстановления/возрождения буддийских монастырей Бурят-монголии в послевоенный период // Власть. 2019. № 4. С. 229–233 DOI: 10.31171/vlastv27i4.6634

References

Abaeva L. L. Clergy and laymen in processes of restoration/revival of Buddhist monasteries in Buryat-Mongolia during the post-war period. *Vlast*. 2019. No. 4. Pp. 229–233. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6634.

- Антонов 2021 — Антонов В. И. Российская идентичность как фактор национальной безопасности: к постановке проблемы (на примере Бурятии, Калмыкии, бурятских округов Иркутской области и Забайкальского края) // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 11. С. 85–88.
- Антонов, Очирова 2016 — Антонов В. И., Очирова О. А. Российская идентичность как фактор национальной безопасности в фокусе современных миграционных процессов: региональные особенности и противоречия // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск: БГУ, 2016. С. 253–260.
- Арзуманов 2009 — Арзуманов И. А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 244–250.
- Багдасарян 2022 — Багдасарян В. Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
- Бадмацыренов, Родионов 2020 — Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 62–85. DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85
- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Волкова 2021 — Волкова М. Д. Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 39–71.
- Герейханова 2024 — Герейханова А. Кульминация российской вахты БРИКС: Ушаков рассказал о программе и повестке саммита в Казани [электронный ресурс] // Российская газета (Фед. выпуск). 2024. № 230(9472). 10.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/10/v-kremle-rasskazali-o-programme-sammita-briks-v-kazani.html> (дата обращения: 11.10.2024).
- Две реальности 2024 — Две реальности: в Казани прошла церемония открытия Игр Будущего [электронный ресурс] // РБК-Татарстан. 22 февраля 2024 г. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/02/2024/65d66a4e9a79478edc2c5f52> (дата обращения: 14.10.2024).
- Antonov V. I. Russian identity as a factor of national security: On the statement of the problem (On the example of Buryatia, Kalmykia, Buryatsky districts of the Irkutsk Region and Zabaikalsky Krai). *Innovatsionnye aspekty razvitiya nauki i tekhniki*. 2021. No. 11. Pp. 85–88. (In Russ.)
- Antonov V. I., Ochirova O. A. Russian identity as national security factor in the context of present-day migration processes: Regional peculiarities and controversies. In: *Ensuring National Security in the Contemporary World. Conference proceedings* (Irkutsk, 26–27 May 2016). Irkutsk: Baikal State University, 2016. Pp. 253–260. (In Russ.)
- Arzumanov I. A. Culture-confessional factor in the consolidation processes of sociopolitical space of the Baikal Siberia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2009. No. 1 (3). Pp. 244–250. (In Russ.)
- Bagdasaryan V. E. The concept of state-civilization: Problems of methodology and political implementation. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 17. No. 6. Pp. 15–29. (In Russ.) DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29
- Badmatsyrenov T., Rodionov V. Buddhist revival and Buddhist community construction in contemporary Buryatia. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2020. No. 1 (38). Pp. 62–85. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Volkova M. D. Shamans, bureaucrats, and their cosmologies: Local religious organizations in Buryatia and the Irkutsk Region. *Antropologicheskij forum (Forum for Anthropology and Culture)*. 2021. No. 51. Pp. 39–71. (In Russ.) DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71
- Gereykhanova A. Culmination of Russia's shift on BRICS: Ushakov tells about Summit program and agenda in Kazan. On: *Rossiyskaya Gazeta* (website). 2024. No. 230 (9472). Posted on 10 October 2024. Available at: <https://rg.ru/2024/10/10/v-kremle-rasskazali-o-programme-sammita-briks-v-kazani.html> (accessed: 11 October 2024). (In Russ.)
- Two realities: Games of the Future opened in Kazan. On: *RBC-Tatarstan*. Posted on 22 February 2024. Available at: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/02/2024/65d66a4e9a79478edc2c5f52> (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)

- Жалсанова 2020 — Жалсанова В. Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 3(145). С. 18–22. DOI: 10.24158/tipor.2020.3.2
- Желифонов 2024 — Желифонов М. П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // *Universum: общественные науки*. 2024. № 5 (108). С. 4–10.
- Журавлева и др. 2023 — Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–88
- Закон Республики Бурятия 1997 — Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. N 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (с изменениями и дополнениями) [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/29550105/> (дата обращения: 13.10.2024).
- Закон Республики Тыва 1995 — Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 года N 253 «О свободе совести и религиозных организациях» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802048821> (дата обращения: 10.10.2024).
- Занданова, Паламарчук 2016 — Занданова Л. В., Паламарчук А. В. Борьба с ламаизмом в восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2016. Т. 11. № 4. С. 93–98.
- Ильичева и др. 2024 — Ильичева Л. Е., Лапин А. В., Ильичева М. В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 24–42.
- Илюмжинов 2002 — Илюмжинов К. Н. Калмыкия в политическом и экономическом пространстве России (1996–2002). Элиста: Джангар, 2002. 136 с.
- Китинов 2019 — Китинов Б. У. Цивилизационные основы политического процесса. М.: РУДН, 2019. 368 с.
- Концепция 2023 — Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 13.08.2024).
- Zhalsanova V. G. Inter-ethnic relations in the Republic of Buryatia in the modern period (The results of a sociological study). *Theory and Practice of Social Development*. 2020. No. 3 (145). Pp. 18–22. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2020.3.2
- Zhelifonov M. P. Formation of the state-civilization «Russia». 3. *Universum: obshchestvennye nauki*. 2024. No. 5 (108). Pp. 4–10. (In Russ.)
- Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. State-civilization: Concept, essence, structure. *Education and Law*. 2023. No. 9. Pp. 80–88. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88
- Law of the Republic of Buryatia of 23 December 1997 no. 610-I on Religious Activities in the Territory of the Republic of Buryatia (rev. & suppl.) On: GARANT legal reference system. Available at: <https://base.garant.ru/29550105/> (accessed: 13 October 2024). (In Russ.)
- Law of the Republic of Tuva of 1 April 1995 no. 253 on Freedom of Thought and on Religious Organizations. On: Kodeks Consortium. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802048821> (accessed: 10 October 2024). (In Russ.)
- Zandanova L. V., Palamarchuk A. V. The struggle against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents testify. *Humanitarian Vector*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 93–98. (In Russ.) DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98
- Ilyicheva L. E., Lapin A. V., Ilyicheva M. V. Moderate conservatism as the ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024. Vol. 32. No. 2. Pp. 24–42. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-24-42
- Ilyumzhinov K. N. Kalmykia in Russia's Political and Economic Environments, 1996–2002. Elista: Dzhangar, 2002. 136 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Political Process and Its Civilization Foundations. Moscow: RUDN University, 2019. 368 p. (In Russ.)
- The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by President Vladimir V. Putin on 31 March 2023). On: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (official website). Posted on 31 March 2023. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 13 August 2024). (In Russ.)

- Лама Тувы 2023 — Лама Тувы: хотим построить реабилитационный центр для участников СВО [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. Религия. 12.12.2023. URL: https://ria.ru/20231212/natsyk_dorzhu-1915188166.html (дата обращения: 14.10.2024).
- Матвеева, Сат 2022 — *Матвеева Е. В., Сат А. В.* Феномен политической культуры национальных республик как синтез традиционного и современного // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 102–106
- Медведев стал 2009 — Медведев стал Белой Тарой [электронный ресурс] // Газета.Ru. 24 августа 2009 г. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (дата обращения: 11.10.2024).
- Михалев 2014 — *Михалев А. В.* «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 93–101.
- Михалев 2022 — *Михалев М. С.* Этнический потенциал республики Тува в сценариях государственной политики // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 188–197.
- Монгуш 2007 — *Монгуш М. В.* Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность // Восток (Oriens). 2007. № 1. С. 16–32.
- Монгуш 2015 — *Монгуш Ч. Б.* Правовое обеспечение режима российского покровительства в Туве в XX столетии // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 5–6 (47). С. 71–74
- Нимбуев 2022 — *Нимбуев Г. Ч.* Международная деятельность Пандито Хамбо-Ламы Ж.-Ж. Гомбоева как проявление народной дипломатии // Власть. 2022. Т. 30. № 6. С. 247–252.
- Очиров и др. 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гуняев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 501 с.
- Петров 2023 — *Петров И. В.* Буддистский религиозный фактор и военно-политические силы в гражданской войне в Забайкалье в 1917–1923 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 3 (87). С. 113–117.
- Поканинова 2010 — *Поканинова Е. Б.* Межрелигиозные и государственно-конфессиональные отношения в республике Калмыкия: история и современность // Социология власти. 2010. № 5. С. 66–74.
- Lama of Tuva: Intending to construct rehabilitation center for SVO participants. On: RIA Novosti. Religion. Posted on 12 December 2023. Available at: https://ria.ru/20231212/natsyk_dorzhu-1915188166.html (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)
- Matveeva E. V., Sat A. V. The phenomenon of political culture of national republics as a synthesis of traditional and modern. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2022. No. 4 (108). Pp. 102–107. (In Russ.)
- Medvedev becomes White Tara. On: Gazeta. Ru. Posted on 24 August 2009. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (accessed: 11 October 2024). (In Russ.)
- Mikhalev A. V. «Soft power» of today's Mongolia and the border regions of Russia. *Russia and the Contemporary World*. 2014. No. 1 (82). Pp. 93–101. (In Russ.)
- Mikhalev M. S. Ethnic resources of Tuva in national policy scenarios. *New Research of Tuva*. 2022. No. 2. Pp. 188–197. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.2.13
- Mongush M. V. Traditional and non-traditional faiths in Tuva: Past and present. *Vostok (Oriens)*. 2007. No. 1. Pp. 16–32. (In Russ.)
- Mongush Ch. B. Legal support regime Russian patronage in Tuva in the twentieth century. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii*. 2015. No. 5–6 (47). Pp. 71–74. (In Russ.)
- Nimbuev G. Ch. International activities of Pandito Khambo-Lama Zh. D. Gomboev as a manifestation of people's diplomacy. *Vlast'*. 2022. Vol. 30. No. 6. Pp. 247–252. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9385
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Petrov I. V. Buddhist religious factor and military and political forces in the Civil War in Transbaikalia in 1917–1923. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch Named after Vladimir Bobkov*. 2023. No. 3 (87). Pp. 113–117. (In Russ.)
- Pokaninova E. B. Inter-religious and state-confessional relations in the Republic of Kalmykia: Past and present. *Sociology of Power*. 2010. No. 5. Pp. 66–74. (In Russ.)

- Путин 2024 — Путин В. В. Участникам Международной научно-практической конференции «Горный Алтай — прародина тюрков. К истории зарождения тюркской цивилизации» (Приветствие Президента РФ В. В. Путина) [электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. 8 октября 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (дата обращения: 14.10.2024).
- Тарбастаева 2020 — Тарбастаева И. С. Роль религии в национальной политике республики Тува: анализ государственных программ (2013–2020 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 3. С. 11–20.
- Топчиев 2014 — Топчиев М. С. Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 334–345.
- Третьяков 2024 — Третьяков А. В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 301–316.
- Урбанаева 2013 — Урбанаева И. С. Буддийская коннотация национального вопроса бурят в ретроспективе междивизиационных взаимодействий // Евразийство и мир. 2013. № 1. С. 39–56.
- Шиманская 2019 — Шиманская О. К. Вокруг Каспия: политический процесс в диалоге цивилизаций // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 5. С. 133–138.
- Putin V. V. Gornyi Altay — Proto-Turkic Homeland: To conference attendees. On: President of the Russian Federation (official website). Posted on 8 October 2024. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)
- Tarbastaeva I. S. Role of religion in national policy of the Republic of Tyva: The analysis of government programs (2013–2020). *Buryat State University Bulletin*. 2020. No. 3. Pp. 11–20. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2020-3-11-20
- Topchiev M. S. Main vectors of the confessional relations of the Russian Prikaspy. *Scientific Journal of KubSAU*. 2014. No. 102. Pp. 334–345. (In Russ.)
- Tretiakov A. V. State-religious relations in crisis situations: The support by Russian religious organizations for a special military operation. *Issues of Theology*. 2024. Vol. 6. No. 2. Pp. 301–316. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu28.2024.208
- Urbanaeva I. S. Buddhist connotations of Buryat's ethnicity issues in an interciviliation cooperation retrospective review. *The Journal of Eurasia and World*. 2013. No. 1. Pp. 39–56. (In Russ.)
- Shimanskaya O. K. Around the Caspian: A political process in the dialogue of civilizations. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2019. No. 5. Pp. 133–138. (In Russ.) DOI: 10.15211/vestnikieran52019133138

